

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

В. М. Калинин (Донецк)

УДК 81.1. 821.163.1(47) 81'373.2

КАК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ОНИМЫ ПРЕВРАЩАЛИСЬ В ПОЭТОНИМЫ?

***Реферат.** Представлены размышления о возникновении поэтонимов из функционировавших в произведениях древнерусской литературы собственных имён исторических личностей. Подробно проанализированы работы Д. С. Лихачёва, касающиеся специфических свойств “исторических имён” литературных героев. Определена одна из актуальных задач поэтонимологии: изучение факторов превращения онимов в поэтонимы в текстах древнерусских литературных произведений.*

***Ключевые слова:** денотат, историческое имя, поэтоним, референт.*

Решая задачу установления свойств объекта исследования, поэтонимология, наука развивающаяся, направляет усилия на то, чтобы основной предмет её заинтересованности, по возможности обстоятельно, был представлен уже в пролегоменах к теории, по крайней мере, на уровне рабочей дефиниции. Естественное стремление учёных, исследующих собственные имена, функционирующие в литературно-художественных текстах, проникнуть в исключительно сложный мир этого феномена время от времени приводило к успехам. Так, заинтересовавшись в начале 80-х годов прошлого века особенностями собственных имён в языке и речи [4], Ю. А. Карпенко в 1984 году на Международном ономастическом конгрессе в Лейпциге представил свои соображения о свойствах имени собственного в общенародном языке и художественной ли-

тературе, известные специалистам в виде очень краткого, всего на одной странице, резюме [5]. А в 1986 году уже тогда выдающийся украинский ономаст разместил большую статью только о специфике имени собственного в художественной литературе в сборнике «*Onomastica*» [6] в Польше. Изданные за рубежом проницательные наблюдения учёного стали достоянием ономатологов СССР, к сожалению, далеко не сразу. Но и для исследователей литературной онимы в Польше и Германии они остались всего лишь мнением иностранного гостя.

В кратком изложении вопрос о специфике собственных имён в художественном произведении к 1986 году был прояснен следующими «ответами». Ю. А. Карпенко сформулировал пять положений, относящихся к специфике онимов в художественной литературе. Первое утверждение касалось вторичности литературной онимии, возникающей и существующей на фоне общенародной ономастики и представляющей собой «субъективное отражение объективного», «осуществляемую писателем «игру» общеязыковыми ономастическими нормами» [6, с. 205]. Следующим свойством, фундаментально отличающим онимию художественного произведения от реальной, была признана специфика её детерминированности: реальная ономастика складывается веками, а «в художественном произведении имена выбирает либо создаёт сам автор» [6, с. 207]. Отсюда функциональная перестройка литературной онимии: «в обычном применении языка основной функцией собственных имён является дифференциальная <...>, а в художественной литературе <...> приоритет дифференциации (номинации) отступает под натиском стилистики» [6, с. 211–212]. Четвёртое положение зафиксировало, что «в отличие от общенародной, реальной ономастики, которая принадлежит языку, литературная ономастика – это факт речи» [6, с. 216]. Пятой особенностью литературной онимии учёный назвал наличие в художественном произведении заглавия. Это положение, дающее основание считать заглавие собственным именем, с одной стороны, открывало новые горизонты для литературно-ономастических исследований, с другой же, относилось к совершенно новой и малоразработанной области поэтонимологии. Следует к тому же признать, что в рассуждение учёного в данном случае «вкралась» таксономическая неточность: вся специфика литературной онимии выведена из сопоставления собственных имён в бытовой речи и в художественной литературе, а в последнем случае объект сопоставления отсутствует.

Развивая идеи Ю. А. Карпенко, я утвердился в мысли, что “предмет поэтической ономастики представляют вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы” [3, с. 62]. При этом важнейшим свойством поэтонимов является то, что они обозначают не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей и д е а л ь н ы е о б р а з ы реальных или вымышленных о б ь е к т о в , н а з в а н н ы х с о б с т в е н н ы м и и м е н а м и . Если онимия реального мира предполагает наличие референтов материальных, которые в большинстве своем можно ощутить органами чувств, то референтная база поэтонимии сплошь произведена Словом. Это единственный “материал”, используя который автор конструирует художественный мир. Все без исключения референты собственных имён в художественных мирах с л о в е с н ы . И получить представление о них можно только через слово, причём слово писателя, т. е. “обременённое” спецификой авторского представления об объекте. Различие между поэтонимами и онимами состоит также в том, что первые отличаются принципиальной динамичностью содержания, неустойчивостью относительно принадлежности к собственным именам или апелляциям, точнее, на их “бытие” в состоянии “подвижного покоя”, п о э т о н и м о г е н е з , непрерывное движение вдоль оси “апеллятив – онома”» [2, с. 115].

Все эти и некоторые другие особенности, отличающие поэтонимы от онимов бытовой речи, позволили в качестве рабочей дефиниции предмета исследования в поэтонимологии назвать именно поэтоним, под которым следует понимать имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой. Однако это определение остаётся всего лишь рабочим и по-прежнему, нуждается в уточнениях, которые неизбежны в контексте бурно развивающейся поэтонимологии.

В качестве предмета обсуждения здесь предлагается рассмотреть вопрос о трудно уловимом “моменте истины”, связанном с переменами во внутренней сущности собственных имён, функционировавших в литературных текстах древней русской литературы, о периоде преобразования онимов в поэтонимы.

Начать, однако, придётся с обсуждения нескольких терминов и понятий, связанных с изображением человека в текстах, претендующих на художественность, поскольку специфика интересующего нас материала (собственное имя человека) настоятельно требует прояснения перемен в изображении исторических персон, характеров, художественных образов и др., произошедших на протяжении XI – XVII веков в древнерусской словесности. “Героем” принято называть образ человека в литературном произведении. Автор статьи «Литературный герой» в КЛЭ пишет о том, что довольно часто “однозначно” с литературным героем употребляются понятия “действующее лицо” и “персонаж”. Однако «иногда их отграничивают: литературными героями называют действующих лиц (персонажей), нарисованных более многогранно и более весомых для произведения. Иногда понятие “литературный герой” относят лишь к действующим лицам, близким к авторскому идеалу человека (т. н. “положительный герой”) или воплощающим героическое начало <...>. Следует, однако, отметить, что в литературной критике эти понятия, наряду с понятиями *характер*, *тип* и *образ* взаимозаменяемы» [1, т. 4, стб. 315].

Чтобы не усложнять и без того сложные отношения между различными точками зрения на этот непростой вопрос позволю себе сформулировать предположение. Оно, естественно, нуждается во всестороннем рассмотрении, исследовании в произведениях различных жанров в разные периоды развития литературы и т. д. и т. п. Суть предположения такова: выбирая имя для изображаемого в произведении человека, автор так или иначе учитывает, более того, **в ы н у ж д е н у ч и т ы в а т ь** либо собственно *языковые* факторы, либо свойства имени к языку не относящиеся, которые, как мне кажется, позволительно условно “расположить” в пространстве, определяемом модным сегодня литературоведческим понятием “*внеаходимость*”. И если последние (неязыковые) поэтонимологическими “сетями”, скорее всего, “не уловить”, то языковые (этимологические, словообразовательные, морфологические, фоносимволические и т. д.) сквозь “ячейки” лингвистического анализа “не проскочат”. Именно язык произведения может стать ключевым параметром при отнесении изображённого к категории *героя*, *персонажа* или *действующего лица*. Этими литературоведческими понятиями пользуются и поэтонимологи. Объектом именования

изображённого в литературном произведении *Nomo nomen habere* – человека поименованного (и тем известного) – с точки зрения языковой является референт имени. Поэтому различия между героем, персонажем или действующим лицом, если таковые действительно проявляются в собственном имени на каком-либо языковом уровне, могут способствовать уточнению указанных понятий. Пока же поэтонимологам можно ими пользоваться с учётом традиции: «Понятие “литературный герой” как бы хранит память о ранних ступенях формирования образа человека, о героическом эпосе <...>, где главные действующие лица выступали в ореоле героизма» [1, т. 4, стб. 315]. Автор энциклопедической статьи, ссылаясь на мнение А. П. Скафтымова¹, отмечает, что в русских былинах все действующие лица, окружающие центральную фигуру богатыря, выполняли по отношению к нему роль “резонирующей среды”, составляли “фон доблести героя”. “Такой тип взаимоотношения литературного героя и среды характерен и для древней русской литературы, идеализирующей человека, воплощающего коллективный опыт” [1, т. 4, стб. 316]. Впрочем, развитие литературы, переход некоторых произведений в категорию “художественных” как раз и привёл к тому, что ранее достаточно “правильно” работающие понятия в литературоведческих штудиях оказались “под сомнением”. Все основные действующие лица стали литературными героями. Сохранилось, правда, деление литературных героев на отрицательных и положительных. Принесёт ли попытка исследования языковых средств, используемых в номинациях человека в художественной литературе, ощутимую пользу литературоведению, неизвестно. Но одно несомненно: она поможет точнее определиться с собственным “хозяйством” поэтонимологии. Это особенно важно в плане поиска ответа на поставленный заглавием статьи вопрос. А это именно вопрос, а не утверждение или констатация. В рабочем порядке я уже давно предлагаю, анализируя поэтику собственных имён, отделять “героев” от “персонажей”, а “действующих лиц” от “упоминаемых”. Под упоминаемыми имею в виду лиц, имеющих лишь косвенное отношение к действию в произведении. Кроме того, в художественном произведении собственные имена могут использоваться в “фигуративных” целях, т. е. не быть ни действующими, ни упоминаемыми лицами. Героев, конечно, можно (нужно ли – для поэтонимологии пока вопрос) разде-

¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. – М. – Саратов, 1924. – С. 88, 95.

лить на главных и второстепенных, персонажей таким же образом разделить на связанных с развитием основной сюжетной линии и обслуживающих вспомогательные линии сюжета. В любом случае дихотомия *герой / персонаж (имя героя / имя персонажа)* в языковом плане обязательно проявится. Другая дихотомия *действующее лицо / упоминаемое лицо* непременно актуализируется в характере повествования, в степени участия “лица с именем” в описываемых событиях. А сопоставление средств номинации (в том числе, собственных имён) позволит увидеть различия, если таковые существуют. В данном случае такой подход позволит, если не ответить на вопрос, то, по крайней мере, нащупать пути к его решению.

Пока оставляю за пределами рассмотрения ряд других литературоведческих понятий, относящихся к анализу изображений человека в литературе – *характер, маска, амплуа* и др. Что же касается понятий *образ* или *тип*, то они не являются квалификаторами референта имени, и относятся к собственно литературоведческому понятийному аппарату, которым поэтонимология тоже пользуется, однако без каких бы то ни было лингвистических уточнений.

Если согласиться с мнением академика Д. С. Лихачёва, принять во внимание его точку зрения на возникновение и развитие литературы в Древней Руси, то нужно признать, что собственно художественной она стала только в XVII веке. А всё время от древнейших из дошедших до нас памятников до развитой художественной прозы, включая и ранние драматургические опыты, нужно считать периодом становления художественной литературы и, следовательно, поэтонимии. В ранних послевоенных и ряде более поздних работ Д. С. Лихачёв [см., например, 7, 8, 9] изложил результаты наблюдений русской историографии и истории становления древнерусской литературы с позиций, в первую очередь, филологических. Для “приближения” к ответу на поставленный в заголовке статьи вопрос имеет смысл подробно остановиться на точке зрения выдающегося литературоведа-медиевиста.

По мнению учёного, древнерусская литература в течение семи столетий, от возникновения и до XVII века не рассказывала о придуманном. Её темы – реальная мировая история в реальном географическом пространстве. Даже “<...> вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой. Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены событиям, которые были,

совершились или, хотя и не существовали, но всерьёз считаются совершившимися”. Более того, древнерусская литература вплоть до XVII века “не знает или почти не знает (здесь и далее при цитировании работ Д. С. Лихачёва разрядка моя. – *В.К.*) условных персонажей”. Когда речь пойдёт о собственных именах персонажей, Д. С. Лихачёв снова подчеркнёт “И м е н а д е й с т в у ю щ и х л и ц – исторические: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Родонежский, Стефан Пермский...” [10, с. 11]. Стоит отметить, что за тридцать лет до этого Д. С. Лихачёв был более категоричен: “Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица русских литературных произведений XI – начала XVII в. – исторические или претендующие на историчность: Борис и Глеб, Владимир Святославич, Игорь Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской или митрополит Киприан – все это князья, святые, иерархи церкви, люди существовавшие, высокие по своему положению в обществе, участники крупных событий политической или религиозной жизни.” [8, с. 219–220]. “История не сочиняется. Сочинение со средневековой точки зрения – ложь” [10, с. 12].

Историчность всей древнерусской литературы и имён действующих в ней лиц сыграла, к сожалению, отрицательную роль в исследованиях поэтики онимов. Рассказывая о полемике вокруг датировки «Повести о Савве Грудцыне», Д. С. Лихачёв сокрушался по поводу трафаретов мышления, сформировавшихся у учёных в процессе изучения классических памятников древней литературы. Они не только не сомневались в исторической достоверности описываемого в литературно-художественном тексте, но даже проводили генеалогические разыскания: “Вокруг генеалогии Саввы Грудцына в недавнее время разгорелась даже горячая полемика², заставляющая задуматься над трафаретами не только самой древней русской литературы, но и посвящённых ей исследований” [9, с. 205]. Поэтонимолог в аналогичной ситуации оказывается в исключительно

² Д. С. Лихачёв указал даже на две публикации, в которых эта полемика нашла отражение: 1) Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне» // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. IX. – М., – Л., 1953; 2) Калачёва С. В. Ещё раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне» // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. XI. – М., – Л., 1955.

“щекотливом” положении: дело в том, что и до сей поры во многих ономастических исследованиях, особенно, в работах начинающих учёных, к сожалению, распространяется глубокое заблуждение, касающееся так называемых “исторических собственных имён”, их сущности и свойств в современных литературно-художественных текстах. В новейших работах оно усугубляется ложным пониманием “прецедентности”, якобы способствующей углублённому изучению свойств известных, в том числе, исторических имён, а на самом деле только запутывающим ситуацию. В ряде своих публикаций я обращал внимание, с одной стороны, на ошибочное употребление самого понятия “прецедентность” применительно к собственным именам, а с другой – настаивал на том, что называемые “историческими” имена в художественном произведении суть поэтонимы и не являются именами исторических личностей, а называют с л о в е с н ы е художественные “портреты”, виртуальные образы широко известных, некогда существовавших в реальной действительности людей. Именно это оказывается трудно усваиваемым и неправильно трактуемым фактом.

Вернёмся к мнению Д. С. Лихачёва о специфике древнерусской литературы в начальный период её существования. Учёный констатировал: “Писатели XI–XVI вв. ищут для своих произведений значительных лиц, значительных событий – при этом не в литературном, а в чисто историческом смысле. Они стремятся писать о реально существовавших лицах, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегают к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. При этом все фантастическое, чудесное мыслится как объективно реальное, исторически свершившееся” [9, с. 202]. Однако в связи с “нормативным характером” художественного обобщения, свойственного древнерусской литературе, писатели стремятся изображать не столько конкретные черты реальных исторических лиц, сколько “те именно качества, которые д о л ж н ы были бы у них быть, как у представителей определённой социальной группы. <...> Средневековый историзм требует идеализации (в широком смысле слова), и именно в этой идеализации проявляется художественное обобщение средневековья. Древнерусский писатель в своих исторических героях стремится изобразить истинного князя, истинного свято-

го и даже истинного врага русской земли, истинного злодея и т. д. [9, с. 202]. Короче говоря, налицо попытки типизации.

Здесь самое время сделать краткое “логико-лингвистическое отступление”.

Коснусь понятий *денотат* и *референт* в тех смыслах, в каких они используются в поэтонимологии. Термин логики “денотат” в лингвистике употребляется обычно для обозначения объекта или фрагмента действительности, зафиксированного в сознании человека языковым знаком. Употребляется он и в более широком смысле “понятия вообще”. Во многих лингвистических работах термин *денотат* признаётся соответствующим термину *референт*. Не углубляясь в подробности, отмечу, что денотат рассматривается как понятийное ядро значения, освобождённое от разнообразных “субъективных” оттенков: оценки, эмоциональности, экспрессивности, функционально-стилистической окрашенности, коннотативности и пр. Термин *референт*, кроме отмеченного выше синонимичного *денотату* употребления (в теории референции К. Огдена и А. Ричардса), некоторые учёные используют и специфически. Иногда референт даже противопоставляется денотату как явление реальности противостоит понятийному (семантическому) соответствию. Опираясь именно на такое понимание, я предлагаю применительно к собственным именам “развести” эти понятия. Поскольку собственное имя всегда используется для обозначения единичного объекта, выделенного из группы аналогичных, в художественной реальности ему соответствует *референт*, более того, референт виртуальный. Признаки денотативности собственное имя в онимогенезе (движении по линии “оним – апеллятив”) начинает проявлять при появлении в содержании “групповых” свойств. Яркий пример – использование собственного имени во множественном числе: “Мы все глядим в *Наполеоны*” (А. С. Пушкин); “/ Я князь Григорию и вам / Фельдфебеля в *Вольтеры* дам /” (А. С. Грибоедов).

Предпринятое “отступление” даёт основание для формулировки предположения: средневековый историзм и попытки типизации литературных героев, с одной стороны, стали первопричиной превращения онимов в поэтонимы, а с другой, наоборот, препятствовали этому. Диалектика зарождающейся “художественности” – типизация героев – “открывала шлюзы” деонимизации, референты имён приобретали свойства денотатов. В то же время, она “дала старт” дугому процессу: разрушению тождественности историче-

ского имени и референта. Поскольку оценка героев древнерусской литературы присутствовала, по мнению Д. С. Лихачёва, и в житиях, и в учительной литературе, и в исторических летописях, и в воинских повестях, она послужила зарождению публицистики. Однако средневековый историзм продолжал существенным образом влиять как на характер литературы, так и на собственные имена в ней. Тем не менее, указав, что “за шесть веков своего господства в литературе средневековый историзм претерпел существенные изменения”, Д. С. Лихачёв отметил также, что “исторические имена «Русского хронографа» в иной степени документальны, чем исторические имена Новгородской первой летописи. Различно отношение к историческим именам действующих лиц в «Степенной книге» и в «Казанской истории», в воинской повести XII–XIII вв. и в легенде XVI в. Отношение к именам действующих лиц меняется и по векам и по жанрам” [9, с. 203].

К сожалению, учёный не пошёл далее этой констатации, заявив, что в задачи публикации подробный анализ этого вопроса не входит. Этот “отказ” от подробного рассмотрения вопроса, по-моему, является убедительным основанием для проведения поэтонимологами глубокого изучения именно этого “переходного” периода в онимогенезе, периода развития в собственном имени героя древнерусской литературы специфических свойств, характерных для поэтонимов. Д. С. Лихачёв перешёл сразу к рассмотрению последних десятилетий господства средневекового историзма, “когда монументальный историзм предшествующих веков окончательно отходит в прошлое и отдельные элементы историзма начинают уступать место новым способам художественного видения действительности, свободным от документальности” [9, с. 204]. Среди факторов, оказавших влияние на формирование иного отношения к имени в литературе, он отмечает появление и развитие сатирических жанров, “бытовых” персонажей в повествованиях, серьёзное влияние фольклора, “который, к сожалению, изучен недостаточно”. «По мере того, как литература все более и более демократизировалась, – в литературных произведениях все чаще появляется средний, обычный человек, “бытовая личность” – отнюдь не исторический деятель. Ясно, что “историческое” имя действующего лица уже не соответствовало заданиям этой демократической литературы» [9, с. 204].

Любопытно, что Д. С. Лихачёв, осуществляя своё исследование, “обмолвился” о читателе (!), что представляется весьма сим-

птоматичным. А. Ф. Лосев, примерно в то же время трактовавший художественное произведение как арену встречи мыслящего и чувствующего сознания писателя с мыслящим и чувствующим сознанием читателя, тоже ведь не случайно говорил о читателе. Как от автора, так и от читателя стала зависеть судьба литературы, обретающей черты становящейся художественности. И без “народа-языкотворца” здесь не обошлось. «С приходом в литературу действующих лиц среднего или низкого общественного положения, при котором имена действующих лиц не могли быть широко известны или быстро забывались, сама собой стиралась грань между историческим именем и вымышленным. Историческое имя постепенно утрачивало свое “документально”-историческое значение и н а ч и н а л о в о с п р и н и м а т ь с я ч и т а т е л я м и к а к в ы м ы ш л е н н о е . Этот процесс был тесно связан с развитием в литературе вымысла вообще. Чем больше вымышленных эпизодов проникало в литературное произведение, тем больше утрачивался его исторический характер, тем легче утрачивалось и историческое значение имени героя, даже если оно и было» [9, с. 204].

Процесс “утраты доверия” к историческому имени и переход к использованию имён вымышленных Д. С. Лихачёв показал на ряде примеров из памятников древней русской литературы.

На исходе XX века, т. е. спустя 44 года после исследования Д. С. Лихачёва, вопрос о поэтике собственных имён в древнерусской литературе снова был поднят в публикации Е. К. Ромодановской. Замечу кстати, что публикация Д. С. Лихачёва относится ко времени, когда библиография работ, посвящённых поэтике собственных имён, вряд ли насчитывала более нескольких десятков единиц, а ко времени появления статьи Е. К. Ромодановской только на материале русской литературы в ней уже было более двух тысяч позиций. Тем не менее автор статьи констатирует, что поэтика имён в древнерусской литературе почти не рассматривалась. Это мнение и сегодня остаётся правильным. Кроме цитируемых здесь работ, за 60 лет, прошедших после опубликования статьи Д. С. Лихачёва, задавшего основное направление и тон исследований, “появилось несколько работ, где рассматривалась связь имени героя с *вымышленным* (легендарным или сказочным) сюжетом и знаковые имена в памятниках XV – XVII вв. Однако думается, что поэтика имени в средневековых текстах занимала гораздо большее место, чем это представлялось до сих пор, и определялась не только вымышлен-

ным героем” [11, с. 3]. С уверенностью можно утверждать, что даже тщательный поиск вряд ли даст результат, превышающий десяток-другой публикаций, посвящённых поэтике собственных имён в литературе Древней Руси. Причём работ, целиком посвящённых этому вопросу, вообще единицы.

Значит ли это, что проблема поэтики собственных имён в древнерусской литературе не актуальна? Как раз наоборот. Если в самом общем виде “суммировать” основные достижения в этой области, окажется, что они, несмотря на свою высокую значимость, оказываются всего лишь первыми, причём скромными шагами. Вопрос, на который в статье делается попытка, если не ответить, то, по крайней мере, увидеть направление, в котором следует двигаться дальше, остаётся без уверенного ответа. Д. С. Лихачёву удалось 1) установить, когда в древнерусской литературе началось разрушение традиции использования только “исторических” собственных имён; 2) связать проникновение в литературу персонажей с вымышленными именами с периодом её демократизации; 3) отметить влияние фольклора на формирование новой поэтики собственных имён в литературе; 4) показать, что писатели XVII в. прошли трудный путь от исторического героя к созданию воображаемых персонажей, изображению “бытового” человека в наиболее типичных обстоятельствах; 5) выявить в переходном периоде важный этап появления безымянных действующих лиц: “бедный”, “богатый”, “бражник”, “девица”, “купец” и пр.; 6) обозначить роль пародии, жанра небылицы, “животного” эпоса, приключений и плутовских текстов в развитии художественного вымысла и средств типизации персонажей; 7) отметить роль автобиографизма во многих произведениях XVII в. как способа избавления от исторических имён и введения в литературу “неисторического” героя; 8) зафиксировать появление в литературе действующих лиц с открыто вымышленными именами; 9) подчеркнуть роль пословиц и собственных имён в них для развития русской демократической сатиры, причём с очень важным уточнением: “Пословичные имена – это п р о з в и щ а (здесь разрядка Д. С. Лихачёва. – В. К.). <...> В применении пословицы “с именем” всегда есть элемент снисхождения – насмешки или жалости. <...> Отсюда ясно, что пословичные имена – это совсем не то же самое, что вымышленные имена героев литературных произведений XVIII и XIX веков” [9, с. 211]. Чем пополняют арсенал поэтики собственных имён в древнерусской литературе наблюдения Е. К. Ромо-

дановской? Прежде всего, отнесением “опытов” с собственными именами в более отдалённые от нас времена. Во-первых, на основании анализа опытов лексикографии она утверждает, что “первые памятники, толкующие сокровенный смысл человеческого имени, появились на Руси не позднее XIII в. и связаны с комментированием текстов Писания”³ <...> Слова, которые объяснены в этом словаре, – в большей своей части библейские и евангельские собственные имена” [11, с. 4]. Особо отмечен словарь «Толкование именам по алфавиту» Максима Грека (16 век), Азбуковники 16–17 веков. Главное же, о чём повествует автор статьи – наблюдаемое в древнейших памятниках различного жанра, в особенности, в похвалах, относящихся к торжественному красноречию, “обыгрывание значения имени”. Приведу несколько примеров из статьи Е. К. Ромадановской: 1) Андрей Боголюбский в Ипатьевской летописи назван “тезоименитым мужеству” (ПСРЛ, Т. 2, стб. 584); 2) св. Владимир в Степенной книге XVI в. “владычественным и царственным именованьем преславно прославился” [Владимир – “владычественное”, Василий (христианское имя) “царственное”]⁴; 3) в «Новой повести о преславном Российском царстве» о предателе Федоре Андронове сказано: “Его же, окаянного и треклятого, по его злому делу не достоит его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати, или не во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианьския”; 4) на толковании имён строит панегирическую поэзию Симеон Полоцкий. По мнению Е. К. Ромадановской, выбор имени в беллетристике XVII века происходит совершенно иначе: не от этимологии, а от функции: “При этом вымышленность героя подчёркивается фантастичностью его имени (Францель Венециан, Ренцывена, Флорента, Мемзонзилиус и т. п)” [11, с. 5–8].

Следует обратить внимание на то, что приведённые в статье Е. К. Ромадановской примеры, представляющие несомненный интерес для изучения вопроса о влиянии заимствованных, а позднее и собственно русских риторических правил на формирование

³ Имеются в виду ранние опыты лексикографии «Речь жидовскаго языка» и «О именехъ глаголемыхъ жидовскимъ языкомъ въ книгахъ церковныхъ», “изученные и опубликованные Л. С. Ковтун”

⁴ См. [12].

“фигуративных” возможностей собственных имён, тоже далеки от раскрытия тайны превращения онима в поэтоним, хотя, несомненно, приближают нас к пониманию сущности процесса. Здесь, в заключении статьи, снова хочу обратить внимание читателей на ещё одно свойство литературы XVII в., прозорливо подмеченное Д. С. Лихачёвым, свойство недостаточно глубоко изученное и литературоведами, и, главное, поэтонимологами: «Начало XVII в. было временем, когда человеческий характер был впервые “открыт” для писателей во всей его сложности и противоречивости. До XVII в. проблема “характера” вообще не стояла в русской литературе. И это “открытие” настолько поразило воображение писателей, что они в основном устремили свое внимание именно сюда – на человеческую личность, поставили ее в центр своих сочинений, и свое отношение к историческим характерам сделали главным объектом своего писательства» [8, с. 219–220]. Здесь, в этой зоне предстоит поэтонимологам производить свои разыскания, здесь, по-видимому, и будут найдены ответы на поставленные вопросы. Вклад Д. С. Лихачёва в их решение можно сравнить с мастерством фотографа, запечатлевшего на фотопластине или фотоплёнке крайне важные моменты развития литературы. Теперь дело обстоит так: чтобы результаты его труда были видны всем, надо не только правильно “проявить” запечатлённое и сделать “качественные отпечатки”, глубоким литературоведческим анализом “выявить” важнейшие моменты рождения художественной литературы, но и передать поэтонимологам в таком состоянии, которое исключит ошибочные толкования и интерпретации процессов, связанным с превращением собственных имён средневековой книжности в поэтономию древнерусской художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников Е. П. Литературный герой // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 4. Лакшин – Мураново. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Стб. 315–318.
2. Калинин В. М. Несколько предварительных замечаний к теории поэтонима // Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: Філологічні науки. – Донецьк: ДонДУ, 1997. – С.114–116.
3. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в языке и речи // Ю. О. Карпенко. Літературна ономастика: Збірник статей. – Одеса:

- Астропринт, 2008. – С. 221 – 235. [Впервые в: Proceedings of the 13th International Congress of Onomastic Sciences. – Warszawa; Kraków, 1981. – V. I. – P. 79–89].
5. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в общенародном языке и художественной литературе // Ю. О. Карпенко. Літературна ономастика: Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 220–221. [Впервые в: XV Internationaler Kongreß für Namenforschung. Resümees der Vorträge und Mitteilungen. – Leipzig, 1984. – S. 88].
 6. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Ю. О. Карпенко. Літературна ономастика: Збірник статей. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 205–219. [Впервые в: Onomastica XXXI, 1986 – С. 5–22].
 7. Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. – 1948, № 9.
 8. Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. VIII. – С. 218–234.
 9. Лихачёв Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – 1956. – Том XV, вып. 3 (май-июнь). – С. 201–214. То же: Человек в литературе Древней Руси. – М., – Л., 1958. – С. 35–52.
 10. Лихачёв Д. С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. – М.: Современник, 1987. – 301 с.
 11. Ромодановская Е. К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. LI. – С. 3–8.
 12. Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Т. XLIX. – С. 300–313.

Калинкин В. М.

ЯК У РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ОНІМИ ПЕРЕТВОРЮВАЛИСЬ НА ПОЕТОНІМИ?

Розглянуто питання виникнення поетонімів із власних імен історичних діячів, які функціонували у творах давньоруської літератури. Докладно проаналізовано праці Д. С. Лихачьова, що стосуються специфічних якостей “історичних імен” літературних героїв. Визначено одне з актуальних завдань теорії поетонімології: вивчення факторів перетворення онімів на поетоніми в текстах давньоруських літературних творів. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 196–211).

Ключові слова: денотат, історичне ім'я, поетонім, референт.

Kalinkin V. M.

HOW IN RUSSIAN LITERATURE ONYMS TURNED IN POETONYMS?

Reflexions about occurrence of poetonyms from functioning in works of the Old Russian literature of proper names of historic figures are presented. D. S. Lihachyov's proceedings, concerning specific properties of "historical names" of literary heroes are in detail analysed. One of actual problems the theory of poetonymology is defined: studying factors of transformation onyms in poetonyms in the texts of Old Russian literature works. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 196–211).

Keywords: *denotation, a historical name, poetonym, referent.*